

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ V.

ВЫПУСКИ II — IV.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ОДНОГО ПОРТРЕТА И ОДНОЙ ТАБЛИЦЫ).

Salemann
22/III 91

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

K. Neuwkauf

Керопэ Петровичъ Паткановъ.

(1833 — 1889).

Семейныя преданія армянскаго рода Патканьяновъ, или по русски Паткановыхъ, не восходятъ далѣе конца XVII столѣтія¹⁾. Отдаленнѣйшій предокъ ихъ Теръ Петросъ, по прозванію *Минасибъ*, родившійся въ 1678 году, состоялъ священникомъ армянской церкви въ предмѣстѣхъ Константинополя, въ Галатѣ. Когда и какъ попалъ онъ въ Константинополь, свѣдѣній не имѣется. Выселенія армянъ изъ отечества ихъ въ разныя страны начались давно, а съ XIII вѣка, отъ разныхъ причинъ, особенно усилились. Были выселенія вольныя и невольныя. Въ Константинополѣ же армяне водворились значительной колоніей, кажется, только при туркахъ. Здѣсь, по установившемуся здрѣвле обычаю въ армянской церкви, званіе священника, вмѣстѣ съ присвоеннымъ ему приходомъ, сохранялось въ одномъ родѣ, переходя отъ отца къ старшему или слѣдующему сыну. Надо полагать поэтому, что и предки Теръ Петроса занимали священническую должность въ армянской общинѣ Константинополя. Арабское (немного измѣненное) прозваніе *Минасибъ*, что значитъ «пристойный», «достойный», Теръ Петросъ получилъ, какъ гласитъ преданіе, по случаю чудеснаго спасенія, какъ его самого съ семьей своей, такъ и бывшихъ при немъ соотечественниковъ во время гоненія, воздвигнутаго на армянъ турками. Такъ какъ вѣкъ своей родины армяне по преимуществу занимались торговлею, то въ ру-

1) У армянскаго духовенства существовало обыкновеніе, какъ наслѣдіе глубокой старины, вести записки о выдающихся событіяхъ въ своей семьѣ. Поэтому семейныя преданія ихъ, основанныя на письменныхъ памятникахъ, отличаются замѣчательной точностію и послѣдовательностію.

какъ ихъ обыкновенно сосредоточивались значительные капиталы, служившіе для восточныхъ правителей, султановъ турецкихъ и шаховъ персидскихъ, великимъ соблазномъ во время затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствъ. Нерѣдко армянамъ приходилось спасать свою жизнь крупными пожертвованиями. Положеніе ихъ въ Константинополѣ сдѣлалось особенно затруднительнымъ съ XVII столѣтія, когда противъ нихъ стали интриговать католическіе миссіонеры, въ то время довольно вліятельные въ Турціи, съ цѣлю обратить армянъ въ католичество, въ чемъ и имѣли нѣкоторый успѣхъ, но добивались еще большаго. Нѣсколько лѣтъ константинопольскіе армяне жили подъ страхомъ поголовнаго истребленія. Гроза дѣйствительно разразилась: янычары, натравленные миссіонерами, бросились избивать армянъ и грабить ихъ имущество. До тысячи человекъ ихъ погубило во время этой рѣзни. Нѣкоторые изъ галатскихъ армянъ, въ числѣ 100—150 человекъ, бросились за совѣтомъ и помощью къ Теръ Петросу, который и укрылся вмѣстѣ съ ними и съ своимъ семействомъ въ армянской церкви. Непроставшіе янычары не заглянули въ церковь, и всѣ, тамъ находившіеся, спаслись. Приписывая такое чудо счастливой судьбѣ (*насибъ*) представителя своей религіи, Теръ Петроса, галатскіе армяне и дали ему подходящее къ этому случаю прозваніе.

Теръ Петросъ умеръ въ 1744 году, передавъ паству сыну своему, тоже Петросу, родившемуся въ 1714 году, рукоположенному въ священники въ 1739-мъ и служившему при той же церкви подъ именемъ *Теръ Петроса Минасибъ-оглы*. Въ качествѣ представителя галатской армянской церкви и члена національнаго совѣта при константинопольскомъ армянскомъ патріархѣ, оказалъ онъ большую услугу армянамъ во время смуты, возникшихъ среди ихъ въ 1800 году по поводу замѣщенія престола патріарха-каволикоса всѣхъ армянъ, когда армяне раздѣлились на двѣ партіи, Даниловцовъ и Давидовцовъ, по имени двухъ претендентовъ на патріаршій престолъ. Чтобы положить конецъ смутамъ, эчміадзинскій синодъ отправлялъ въ Константинополь делегатомъ архимандрита Нерсеса Аштаракскаго (впослѣдствіи каволикосъ) для улаженія дѣла. Здѣсь Теръ Петросъ Минасибъ-оглы, своею поддержкою Нерсесу, краснорѣчіемъ и вліяніемъ на мѣстныхъ армянъ успѣлъ примирить враждебныя партіи и склонилъ Давидовцовъ на сторону Даниила, чѣмъ содѣйствовалъ водворенію порядка въ армянскомъ народѣ.

Какъ человекъ хорошо образованный для своего времени, основательно знавшій кромѣ своего природнаго языка еще арабскій и турецкій, Теръ Петросъ старался дать и дѣтямъ своимъ возможно лучшее европейское образованіе. Трехъ своихъ сыновей, Михаила (родившагося въ 1754 году),

Гавриіла (въ 1757 г.) и Серафима (въ 1760), отправилъ онъ въ единственное въ то время высшее армянское учебное заведеніе, открытое Мхитаромъ Себастьянскимъ въ подаренномъ ему римскимъ папою монастырѣ св. Лазаря въ Венеціи, извѣстное впоследствии подъ именемъ Венеціанской Армянской Академіи. Ректоръ этого заведенія и настоятель монастыря считъ неприличнымъ для молодыхъ людей носить мусульманскую фамилію Минасибъ и перевелъ ее на армянскій языкъ, руководствуясь современнымъ словарями и принимая въ соображеніе извѣстное событіе, по которому возникла эта фамилія. Такимъ образомъ прежняя фамилія замѣнилась новою — *Патканьянъ*, отъ глагола *патканимъ* — «приличествую, приспосаблиюсь».

По монастырскому уставу воспитанники заведенія могли окончить полный курсъ, только прицислвшись къ монастырскому братству, въ противномъ случаѣ ихъ образованіе оканчивалось пятымъ классомъ. Михаилъ и Гавриіла Паткановы этимъ и ограничились, а Серафимъ (Серовецъ) остался продолжать образованіе.

Михаилъ Паткановъ нашелъ покровителя въ лицѣ богатаго негоціанта, итальянца Рестэна, который опредѣлилъ его въ высшее учебное заведеніе въ Венеціи для изученія медицины. Когда Михаилъ получилъ степень доктора, то негоціантъ предложилъ ему руку единственной своей 20-лѣтней дочери, Гортензіи, со всѣмъ своимъ имуществомъ, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы зять перемѣнилъ свою фамилію на фамилію тестя — *Рестэнь*. Предложеніе было такъ выгодно, что тотъ согласился безъ всякихъ колебаній. По смерти негоціанта Михаилъ Рестэнь вмѣстѣ съ женою переехалъ на родину свою, въ Константинополь, и поступилъ затѣмъ на службу къ египетскому пашѣ лейбъ-медикомъ. Богатыя средства дали ему возможность вести жизнь роскошную, аристократическую, что не мѣшало ему заниматься и наукой: онъ оставилъ слѣдъ въ армянской литературѣ изданіемъ первой у армянъ врачебной книги, въ трехъ томахъ напечатанной въ Венеціи въ 1832 году, подъ заглавіемъ *ԳԺՉԿԱՐԱՆԻ ՈՒՅՈՒՆԷՆ* «Врачебникъ Рестэня». Михаилъ Рестэнь умеръ бездѣтнымъ. Фамиліей его впоследствии Керонъ Петровичъ воспользовался для своихъ литературныхъ работъ.

Гавриіла Паткановъ изъ Венеціи поѣхалъ въ Астрахань и получилъ рукоположеніе отъ архіепископа Ефрема въ приходскіе священники Кара-субазарской армянской церкви въ Крыму. Умеръ въ 1811 году.

Серафимъ Петровичъ Патканьянъ, принуждаемый аббатствомъ, по окончаніи курса, поступить въ монахи ордена Мхитаристовъ, къ чему онъ не чувствовалъ расположенія, сговорился съ двумя товарищами своими по курсу, Михайломъ Салланьяномъ (завямавшимъ потомъ у насъ въ Лаза-

ревскомъ институтѣ должность преподавателя армянской словесности) и Серафимомъ Амрикьяномъ (впослѣдствіи въ санѣ архіепископа управлявшимъ астраханскою епархіею) бѣжать въ Константинополь, что и было ими приведено въ исполненіе въ 1789 году. Но вслѣдствіе преслѣдованій со стороны мѣстныхъ католиковъ Серафимъ удалился въ Грузію и открылъ въ Тифлисѣ первую армянскую школу. Кромѣ обученія армянскихъ дѣтей родному языку, закону Божію, священной, церковной и отечественной исторіи, Серафимъ Паткановъ, прозванный въ народѣ *Варжапетомъ* (наставникъ), давалъ уроки пѣнія и игры на флейтѣ и скрипкѣ. Слухъ о пріятномъ голосѣ и музыкальныхъ способностяхъ молодого учителя дошелъ до грузинскаго царя Ираклія, который захотѣлъ его послушать. Серафимъ затѣмъ всѣхъ придворныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, и Ираклій, распустивъ ихъ, приказалъ Серафиму ежедневно приходить пѣть за царскимъ столомъ. Серафимъ Паткановъ сочинилъ много пѣсенъ и гимновъ на армянскомъ языкѣ и перелажалъ ихъ на итальянскіе мотивы, и такъ умѣлъ угодить Ираклію, что скоро сдѣлался его любимцемъ. Одинъ разъ, послѣ спѣтаго имъ гимна «Въ высотахъ небесныхъ» *Ի բարձրանքս երկնից*, Ираклій обратился къ присутствовавшему съ такимъ предложеніемъ: «кто изъ васъ, армяне, любитъ меня, пусть приметъ этого моего любимца въ свою семью, чтобы онъ навсегда водворился въ моемъ государствѣ». Тогда главный начальникъ только что сформированной въ Грузіи артиллеріи, маіоръ Габріель, по фамиліи Папонцъ, ставъ на колѣни передъ царемъ, просилъ о дозволеніи принять Серовне въ свою семью и выдать за него племянницу свою Марію (Малалъ). Ираклій изъявилъ свое согласіе и принялъ всѣ свадебные расходы на свой счетъ. Кромѣ того послѣдовало царское повелѣніе, «чтобы, кромѣ солнца и луны, никто не касался дверей Серовне», то-есть ему пожаловано тарханство, освобождавшее его отъ всякихъ податей и повинностей. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшіе набѣги горцевъ, нашествіе персіянъ, голодъ и чума заставили Серовне удалиться въ одно изъ царскихъ помѣстій, деревню Мухранъ. Здѣсь онъ написалъ пѣснь «Страшный гнѣвъ Божій», въ которой описалъ нашествіе персидскаго Ага Махмуда хана (прозваннаго Ахтá ханомъ — «скопцомъ»), повсемѣстный голодъ и чумную заразу, двукратно опустошавшую край, пожары. Начальныя буквы стиховъ составляютъ акrostихъ его имени — Серовне. Эта и другія пѣсни его изда ны въ Москвѣ Аветикомъ Хазезовымъ въ 1857 году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Пѣсни Серовне Варжапета Патканьянъ» *Երգք Սերովնեի վարժապետի Պատկանյանի*.

Послѣ этихъ бѣдствій пѣвецъ Патканьянъ переселился въ Россію, въ Астрахань, гдѣ поступилъ въ Агабабовское городское училище старшимъ

преподавателем армянской словесности, риторики и логики. По представлению Казанскаго университета Серовне Варжапетъ Патканьянъ былъ произведенъ, въ 1810 году, въ первый классный чинъ и тѣмъ приобрѣлъ права личнаго дворянина, но никогда не покидалъ духовной одежды, и на всѣхъ портретахъ изображенъ въ такомъ костюмѣ. Умеръ онъ 77 лѣтъ, въ Астрахани, въ 1836 году, оставивъ четырехъ сыновей и одну дочь.

Старшій сынъ его, Егоръ Серафимовичъ, служилъ въ городѣ Нахичевани (Эриванской губерніи) и умеръ бездѣтнымъ.

Младшій сынъ, Михаилъ Серафимовичъ, родившійся въ Астрахани въ 1815 году, воспитывался въ Лазаревскомъ Институтѣ, откуда перешелъ въ Медико-Хирургическую академію, но курса не кончилъ и поступилъ на гражданскую службу на Кавказѣ. Извѣстенъ многочисленными литературными трудами, помѣщавшимися въ мѣстныхъ изданіяхъ¹⁾.

Второй, Гавріилъ Серафимовичъ, родившійся въ Тифлисѣ въ 1802 г., воспитывался въ Астраханской православной семинаріи. Съ 1817 по 1827 годъ состоялъ онъ преподавателемъ армянскаго языка въ мѣстной армянской духовной семинаріи и исправлялъ должность секретаря въ астраханской армянской епархіальной консисторіи. Въ 1827 г. переселился въ Нахичевань на Дону, также учителемъ армянской словесности въ армянской духовной семинаріи, а пять лѣтъ спустя былъ рукоположенъ въ священника. Въ 1845 г. переселился онъ въ Тифлисъ, гдѣ получилъ санъ пресвитера и приходъ Норашенской церкви, и занялъ въ то же время должность инспектора и законоучителя въ армянской народно-духовной семинаріи. Здѣсь издавалъ онъ подъ своею редакціею и въ собственной типографіи армянскую газету «Арагатъ». Вернувшись въ 1852 въ Нахичевань на Дону, гдѣ мѣстные армяне, раздѣлившись на двѣ враждебныя партіи, вели между собою ожесточенную борьбу, Гавріилъ Патканьянъ примкнулъ къ одной изъ нихъ и былъ оклеветанъ своими врагами въ уголовномъ преступленіи. По лишеніи сана, онъ долго содержался въ тюрьмѣ и былъ сосланъ въ отдаленную губернію подъ надзоръ полиціи. Когда невплатность его обнаружилась, онъ, уже въ 60-хъ годахъ, былъ восстановленъ въ священническомъ санѣ и получилъ званіе магистра богословія и армянской словесности. Онъ оставилъ многочисленныя литературныя труды и приобрѣлъ славу замѣчательнаго проповѣдника. Умеръ въ 1889 г. въ Петербургѣ 87 лѣтъ, оставивъ трехъ сыновей и трехъ дочерей.

Третій сынъ, Петръ Серафимовичъ, родившійся въ 1808 г. въ Астрахани, получилъ образованіе въ Агабабовскомъ городскомъ училищѣ.

1) Его содѣйствию обязаны мы приводимыми здѣсь свѣдѣніями.

Посвятивъ себя служенію церкви, онъ женился въ 1832 году на дочери священника, впоследствии архимандрита, извѣстнаго сотрудника епархіальнаго архіепископа Персеса Аштаракскаго въ дѣлѣ учрежденія въ Тифлисъ армянской духовной семинаріи, Теръ Арутюна (Артемія) Аламдаріана¹⁾, на Аннѣ Артемевнѣ. Отецъ ея пользовался большимъ уваженіемъ у армянъ. По разсказамъ онъ происходилъ отъ персидскихъ цыганъ «боша». Въ молодыхъ еще годахъ былъ убитъ разбойниками. Въ 1821 году онъ напечаталъ въ Москвѣ краткій російско-армянскій словарь, который является у насъ однимъ изъ первыхъ по времени²⁾. Послѣ него осталась рукописная тетрадь стихотвореній, изданныхъ впоследствии (въ 1884 г.) Керопэ Петровичемъ.

Служеніе свое началъ онъ въ Нахлчевани на Дону діакономъ; но возведенный вскорѣ же въ санъ священника Теръ Петросъ Патканьянъ получилъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ бѣднѣйшую армянскую приходскую церковь, которая неуспынными его стараніями разбогатѣла и украсилась благолѣпіемъ. Независимо отъ священнодѣйствія онъ преподавалъ армянамъ въ Ставропольской гимназіи и другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ Законъ Божій и армянскій языкъ. Вѣнцомъ пастырской его дѣятельности надо признать заботы его о духовномъ просвѣщеніи армянъ, жившихъ среди черкесъ. Разъѣзжая для исполненія церковныхъ требъ по ауламъ въ ущельяхъ кавказскихъ горъ и на берегахъ р. Кубани, гдѣ частію временно, а частію постоянно проживали армяне-торговцы, Теръ Петросъ замѣтилъ, что между мирными и немирными горцами находятся армяне, которые, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условий, уклонились отъ своей вѣры, и потому рѣшился укрѣпить ихъ въ правилахъ христіанской церкви. Генераль-адъютантъ Зассъ оказалъ поддержку Теръ Петросу, которому дѣйствительно и удалось достигнуть успѣха. Впоследствии эти армяне, по совѣту своего духовнаго отца, періодически пріѣзжавшаго къ нимъ, собрались изъ разныхъ ауловъ въ одинъ большой, переплеванной Теръ Петросомъ въ «Армавиръ», и воздвигли тамъ церковь, священникъ которой былъ подчиненъ благочинію Теръ Петроса. За такую полезную дѣятельность и особенно за устройство школы въ Армавирѣ онъ былъ возведенъ на степень протоіерея и всемілостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 3 степени. Теръ-Петросъ умеръ въ 1879 году, 72 лѣтъ.

Старшій сынъ Теръ-Петроса Патканьяна, *Керопэ Петровичъ*, родился

1) Біографія Арутюнъ Вардапета Аламдаріана помѣщена въ «Гайканской лирѣ», изданной М. М. Міансаровымъ въ С.-Петербургѣ въ 1868 году, стр. 585—587.

2) Արամբարենց Յարութիւն թ. 5 էջ. Հանգուտ Բաղարեն 'ի Սոսանց Էղրուէ 'ի Հայ. 'ի Թիֆլիզ 1821 — ոս 5.

въ Нахичевани на Дону 4 мая 1833 года, когда матери его шель 15-й только годъ. Черезъ полтора года послѣ того Теръ Петросъ переселился въ Ставрополь. Отецъ Керопэ Петровича часто отлучался изъ дому по обязанностямъ службы, а потому присмотръ за дѣтьми и воспитаніе ихъ въ добрыхъ правилахъ и приученіи къ труду лежало исключительно на обязанности матери. Не смотря на многочисленность семьи и свою молодость она съ такимъ умѣньемъ исполняла это всегда трудное дѣло, что изъ дѣтей ея вышелъ, какъ говорится, толкъ, и она вполне могла ими гордиться. Но ей же впоследствии выпала и тяжкая доля похоронить шестерыхъ изъ семи своихъ сыновей, которые умирали сравнительно рано. По условіямъ мѣстной жизни, дѣти не были лишены свободы, и маленькій Керопэ не мало времени проводилъ на улицѣ, играя съ сверстниками въ бабки, алычки (колыбныя косточки барановъ), чехарду и другія игры. Отъ этихъ товарищей очень рано выучился онъ русскому языку, который зналъ, какъ родной.

Первоначальное образованіе Керопэ Петровичъ началъ въ Ставропольской (Кавказской областной) гимназій, но по окончаніи перваго класса, въ 1843 году переведенъ былъ въ Лазаревскій институтъ, гдѣ, какъ сынъ священника, имѣлъ право на стипендію. С.-Петербургская армянская церковь учредила въ институтѣ 20 стипендій для армянъ. Люди небогатые, какъ родители Керопэ Петровича, отправляли тогда дѣтей своихъ въ Москву съ купеческимъ обозомъ, на перекладныхъ. Съ такимъ обозомъ двинулся и Керопэ Петровичъ. Купцы, обѣщавшіе родителямъ беречь мальчика, на самомъ дѣлѣ обращались съ нимъ такъ дурно, что онъ рѣшился бѣжать отъ нихъ. Улучивъ удобный моментъ, когда купцы спали, мальчикъ слѣзъ съ повозки и побѣжалъ. Какіе планы имѣлись у бѣглеца, онъ не запомнилъ, ему хотѣлось только избавиться отъ своихъ оберегателей. Мѣстность была открытая, и мальчикъ спѣшилъ поскорѣе скрыться отъ ихъ взоровъ. Бѣжалъ онъ долго, пока не случилось приключеніе, положившее предѣлъ бѣгству. Красный бешметъ, въ который былъ одѣтъ мальчикъ, привлекъ вниманіе огромныхъ пастушескихъ собакъ: онѣ бросились на него и чуть не разорвали. Пастухъ въ-время успѣлъ спасти мальчика, и распросивъ о его положеніи, доставилъ на станцію, гдѣ они еще застали купцовъ, сильно напуганныхъ исчезновеніемъ вѣрнѣшаго имъ птенца. Они стали зорче слѣдить за нимъ и обращались уже лучше. Памятны остались Керопэ Петровичу стоянки въ большихъ городахъ. Оригинальный костюмъ мальчика, этотъ злополучный красный бешметъ, обращалъ вниманіе любопытныхъ, принимавшихъ его за мальчика-фокусника. Куда бы ни шель онъ, за нимъ всюду слѣдовала толпа народа, что приводило его въ великій конфузъ.

Переходъ отъ полной свободы къ закрытому учебному заведенію, со всѣми его строгостями и замкнутой жизнью, былъ слишкомъ чувствителенъ для мальчика, онъ затосковалъ и задумалъ бѣжать. Побѣгъ не удался, послѣдовало соответственное наказаніе; но оно не остановило отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Пойманный вторично гдѣ-то у Охотнаго ряда, и водворенный въ институтъ, онъ получалъ внушеніе посылать. Тогда мальчикъ убѣдился въ невозможности вырваться на свободу и уgomился.

Воспитаніе въ институтѣ не отличалось особенной гуманностію, какъ и въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ того времени. Отъ розги, примѣнявшейся за самыя невинныя шалости, не спасался никто. Нѣкоторые учителя въ своихъ исправительныхъ мѣрахъ проявляли просто жестокость. Такъ армянскій законоучитель имѣлъ обыкновеніе брать ученика, не выучившаго урока, за ухо и колотить по головѣ тяжелой серебряной табакеркой, что впоследствии для многихъ отозвалось крайне печально въ отношеніи умственнаго развитія и памяти. Керонъ Петровичъ какъ-то счастливо избѣгалъ такого поощренія, быть можетъ потому, что былъ моложе и меньше всѣхъ своихъ товарищей, хотя учился и не лучше другихъ, въ первое, по крайней мѣрѣ, время.

Въ лѣтніе каникулы Керонъ Петровичъ проводилъ цѣлые дни въ саду, предаваясь чтенію разныхъ книгъ, серьезныхъ и легкихъ на русскомъ языкѣ, или же подготовлялся по нѣкоторымъ предметамъ впередъ, чтобы облегчать себѣ занятія въ слѣдующемъ классѣ. Въ институтѣ посвящалось много времени классическому языку, а изученіе новыхъ не было обязательнымъ. К. П., по примѣру многихъ, и не занимался ими; но когда онъ дошелъ до предпоследняго класса, ему показалось обиднымъ кончить курсъ съ такимъ пробѣломъ. Онъ досталъ учебникъ, и безъ всякой посторонней помощи, украдкой, главнымъ образомъ по ночамъ, чтобы избѣгнуть насмѣшекъ товарищей, сталъ изучать французскій языкъ. Сперва онъ учился читать, знакомился съ главнѣйшими правилами грамматики, запоминалъ слова, а потомъ переходилъ къ чтенію текстовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ освоился онъ съ языкомъ на столько, что обратился къ начальству съ просьбою разрѣшить ему держать экзамень вмѣстѣ съ другими. Начальство было удивлено, однако согласіе дало. Еще болѣе удивились товарищи Керонъ Петровича, когда онъ явился на экзамень французскаго языка. Но, какъ только К. П. приступилъ къ чтенію, весь классъ разразился неудержимымъ хохотомъ: экзаменующійся читалъ съ такимъ произношеніемъ, какое усвоилъ онъ по учебнику въ русской транскрипціи безъ всякихъ указаній со стороны учителя. Тѣмъ не менѣе экзамень показалъ, что К. П. узналъ языкъ не хуже тѣхъ, которые учились ему нѣсколько лѣтъ.

Этотъ случай расположилъ въ пользу К. П., какъ начальство, такъ и товарищей. Далѣе онъ изучалъ французскій языкъ уже вмѣстѣ съ прочими. Такимъ же путемъ сталъ онъ учиться и нѣмецкому языку, будучи уже въ выпускномъ классѣ. Въ послѣднихъ классахъ онъ былъ или первымъ или вторымъ ученикомъ, и по окончаніи курса ожидалъ золотой медали; но вслѣдствіе какой-то исторіи или интриги, медали не получилъ. На актѣ онъ, кажется, произнесъ или готовился произнести прощальную рѣчь на армянскомъ языкѣ: часть такой рѣчи сохранилась въ его бумагахъ. Въ институтѣ К. П. пользовался уроками К. А. Коссовича, преподававшего греческій языкъ, и Н. О. Эмина по армянскому. Коссовичъ, за свою необыкновенную доброту и безкорыстную любовь къ дѣлу, пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ. Вслѣдствіи, когда учитель и ученикъ встрѣтились на одномъ факультетѣ уже какъ товарищи, между ними утвердилась самая тѣсная дружба.

За все время пребыванія въ Москвѣ, К. П. одинъ только разъ ѣздилъ на родину; обыкновенно же далѣе стѣнъ института онъ не проникалъ, и до того одичалъ, что по выходѣ отсюда боялся показаться на улицу, гдѣ было много народа, и старался пробираться глухими переулками.

Въ январѣ 1851 г. Керонъ Петровичъ пріѣхалъ въ Дерптъ для поступленія въ университетъ. По выдержаніи экзамена изъ математики, исторіи, географіи, языковъ латинскаго, русскаго и нѣмецкаго, К. П. зачислился студентомъ на камеральный факультетъ. Въ Дерптскомъ университетѣ въ то время существовало для армянъ нѣсколько стипендій, учрежденныхъ петербургской армянской церковью, Агафономъ Давдовичемъ Акимовымъ и другими. Акимовъ, женатый на нѣмкѣ и потому знавшій многихъ пасторовъ, выдававшихся своею образованностію и вышедшихъ изъ дерптскаго университета, желалъ, чтобы и у армянъ появилось такое же образованное духовенство; съ этою цѣлію онъ самъ много жертвовалъ на учрежденіе стипендій и собиралъ пожертвованія у зажиточныхъ купцовъ, рассчитывая, что его стипендіатами будутъ замѣщаться священническія мѣста у армянъ. Но всѣ хлопоты его пропадали обыкновенно даромъ. Молодые люди, окончивши курсъ, не видѣли для себя ничего заманчиваго въ бѣдной обстановкѣ армянскаго священника и старались пристроиться къ должностямъ болѣе выгоднымъ. Тогда Акимовъ сталъ примѣнять такую систему: онъ прекращеніемъ выдачи стипендіи не давалъ студентамъ оканчивать курсъ и чтобы закрѣпить бывшаго стипендіата въ духовномъ званіи, прискивалъ для него гдѣ нибудь мѣсто діакона.

Одну изъ такихъ стипендій получалъ и Керонъ Петровичъ. Изъ пребыванія въ Дерптѣ К. П. большой для себя пользы не извлекъ. Онъ усвер-

шенствовалъ въ нѣмецкомъ языкѣ, ставшемъ для него внослѣдствіи языкомъ обыденнымъ; но по факультетскимъ предметамъ ничего не дѣлалъ. Веселая, порой доходящая до разгула студентческая жизнь всецѣло овладѣла юношей, никогда не испытывавшимъ ничего подобнаго, и онъ отдался ей тѣмъ охотнѣе, что въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ видѣлъ полное сочувствіе такому порядку вещей. К. П. веселился, ухаживалъ за нѣжками, а свободное время посвящалъ поэзіи. Онъ переводилъ на армянскій языкъ стихотворенія Гёте, Шиллера, Беранже; воспѣвалъ женщинъ, вино, студентскую честь, любовь къ родинѣ. Многія изъ его поэтическихъ произведеній сдѣлались очень популярными среди армянъ, постоянно распѣваются ими теперь въ веселыхъ компанияхъ. Популярность эта будетъ намъ вполне понятна, если мы обратимъ вниманіе на то, что среди русскихъ армянъ почти вовсе не было свѣтской беллетристической литературы. Изъ этихъ опытовъ К. П. укажемъ нѣкоторые: «Какая та нація, какое то племя, что вѣчно независимы» Այն ինչ ազգ է, այն ինչ ցեղ է, որ միշտ անկախ է. «Краше студентческой жизни нѣтъ другой жизни» Ուսանողի կեանքից գեղեցիկ կեանք չի կայ. «Братья! соберитесь вокругъ» Եղբայրք, մի շուրջ ժողովեցէք. «Когда съ трубкою въ рукѣ» Թէ ծխաբաշը ձեռիս. «Не для меня приходить весны» ինչ համար չէ գարնան գալը. «Крамбамбули» կամբամբուրի. Въ нихъ обнаруживается у К. П. поэтическая жилка, которая замѣчается у многихъ Паткановыхъ. Повидно, что молодой студентъ при этихъ условіяхъ занялъ видное положеніе среди товарищей, а на студентовъ армянъ имѣлъ большое вліяніе.

Когда А. Д. Акимовъ узналъ о литературныхъ занятіяхъ Керопэ Петровича, то понялъ, что изъ него священника не выйдетъ и прекратилъ выдачу стипендіи. К. П. пробылъ въ университетѣ 1½ года. Лишенный возможности, по недостатку средствъ, оставаться въ Дерптѣ, К. П. переселился въ Петербургъ и на первое время опредѣлился при армянской церкви дьячкомъ. Еще не такъ давно у армянъ считалось дѣломъ богоугоднымъ служить по воскресеньямъ вмѣсто дьячка, и это дѣлалъ онъ, какъ и нѣкоторые другіе, главнымъ образомъ студенты, и внослѣдствіи. Но, не чувствуя склонности къ дѣятельности церковнослужителя, К. П. сталъ искать исхода изъ своего положенія. Онъ уѣхалъ на Кавказъ и зачислился ученикомъ въ специальный классъ Ставропольской гимназіи, повидимому для того, чтобы получить право на поступленіе въ русскій университетъ. Въ этотъ годъ написалъ онъ сочиненіе по русской словесности «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира». Учитель призналъ сочиненіе достойнымъ печати, и оно появилось въ мѣстномъ органѣ, Ставропольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1853 г. № 2), за подписью *воспитанника К. Патканова*.

К. П. отлично окончилъ курсъ гимназіи въ весну 1853 г. поступилъ студентомъ въ Главный педагогическій институтъ послѣ того, какъ отецъ выхлопоталъ ему стипендію Кавказскаго комитета. Въ институтѣ К. П. записался на историческій разрядъ филологическаго факультета и систематически сталъ изучать литературу русскую, французскую и нѣмецкую. Въ то же время принялся за англійскій языкъ, на которомъ потомъ свободно читалъ, и за итальянскій.

Для учившихся въ Петербургѣ молодыхъ армянъ домъ А. Д. Акимова былъ мѣстомъ, гдѣ собирались они по праздникамъ и весело проводили время. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей находились Керопз Петровичъ, который имѣлъ возможность постоянно посѣщать этотъ домъ потому еще, что давалъ уроки армянскаго языка всѣмъ дѣтямъ Акимова. Уроки эти не прошли для него даромъ: онъ влюбился въ свою ученицу Анну Агаѳоновну, которой было тогда 17—18 лѣтъ, и встрѣтилъ сочувствіе съ ея стороны. Ей Керопз Петровичъ написалъ въ альбомѣ стихотвореніе «Послѣдняя Роза» *Վերջին Վարդ*, заимствованное у Томаса Мура. Это лучшее поэтическое произведеніе К. П., и кажется, послѣднее; поется теперь армянами на всемъ Кавказѣ и принадлежитъ къ числу особенно любимыхъ имъ. Извѣстны и другія его стихотворенія за время пребыванія въ институтѣ. Когда въ 1855—57 годахъ составила и была издана въ Петербургѣ Раваиломъ Паткановымъ книга, сборникъ стихотвореній, подъ псевдонимомъ «Гамаръ Катипа»¹⁾, то часть стихотвореній К. П. вошла въ это изданіе. Надо замѣтить, что въ этомъ псевдонимѣ буква *К* принадлежитъ Керопзу Петровичу. Книга Гамаръ Катипа дала толчекъ развитію нынѣшней армянской періодической печати и армянской сцены въ Россіи. Нѣкоторыя стихотворенія К. П. были впоследствии напечатаны въ «Армянской Лпрѣ», изд. Міансарова.

Въ 1857 г. К. П. окончилъ курсъ по разряду историческихъ наукъ, съ званіемъ старшаго учителя, и поѣхалъ на Кавказъ добывать себѣ мѣсто, тайно обручившись съ своею невѣстою, Анною Агаѳоновною, такъ какъ не хотѣлъ жениться раньше присканія мѣста, хотя бракъ этотъ и могъ доставить ему значительныя средства къ открытой жизни. Министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій ходатайствовалъ за Керопза Петровича, какъ кавказскаго стипендіата, передъ намѣстникомъ кавказскимъ, княземъ Барятинскимъ, о предоставленіи ему соответствующей должности на Кавказѣ. Сперва К. П. былъ прикомандированъ къ канцеляріи попечителя, а въ

1) Псевдонимъ *Гамаръ Катипа* составленъ изъ буквъ, заключающихся въ именахъ авторовъ книги: Габріеля, Керопза и Раваила Паткановыхъ.

декабрь 1858 года получилъ въ Закавказскомъ двѣячьемъ институтѣ въ Тифлисѣ должность старшаго учителя русской словесности.

До Керопэ Петровича предметъ этотъ преподавался учителемъ исторіи и, какъ оказалось, очень плохо. Ученицы старшихъ классовъ не готовили уроковъ, въ классѣ болтали, читали романы, даже играли въ карты, а между тѣмъ съ официальной стороны дѣло обстоило вполне благополучно вслѣдствіе особенной системы, принятой въ обученіи. Ученицы учили только одного Пушкина, знали его сочиненія наизусть, изъ его произведеній ихъ только и спрашивали, изъ нихъ диктовали, изъ нихъ задавали сочиненія. По всякой же другой книгѣ онѣ читали плохо и кромѣ того оказывались слабыми въ орфографіи. К. П. задумалъ поправить дѣло, не смотря на полное равнодушіе и даже несочувствіе со стороны директрисы и классныхъ дамъ. Ученицы, отличавшихся лѣнностію и шалостями, онъ сталъ сажать на передній скамейки, а смиренныхъ и прилежныхъ на заднія, отчего первыя не могли держать себя такъ свободно, какъ прежде; старая дурная отмѣтка, чѣмъ вооружилъ противъ себя и ученицъ и начальницъ; кромѣ Пушкина бралъ другихъ авторовъ, постоянно мѣняя ихъ, и тѣмъ заставлялъ ученицъ готовиться. Такая система, повидному, была имъ заимствована изъ англійскаго романа «The professor» by Currey Bell. Въ романѣ разсказывается, какъ молодой человѣкъ получилъ мѣсто учителя въ женскомъ пансіонѣ, какъ онъ заставилъ ученицъ заниматься и отказаться отъ надежды получать хорошія отмѣтки не за успѣхи, а за свою красоту и кокетство, какъ это практиковалось до него.

Съ самаго начала ученицы не влюбились въ молодого учителя, но когда убѣдились въ его преданности своему дѣлу, въ его безпристрастіи, то нерасположеніе ихъ прошло очень скоро и замѣнилось другимъ, противоположнымъ чувствомъ. Онѣ особенно старательно стали готовиться къ его урокамъ, украшали тетради для русской словесности ленточками, выказывали и другимъ способомъ знаки своего расположенія. Ученицы младшаго класса обратились къ нему черезъ особую депутацию съ просьбою преподавать и у нихъ русскій языкъ. Надо замѣтить, что Керопэ Петровичъ обращалъ на себя вниманіе тѣмъ еще, что костюмъ его всегда былъ по послѣдней модѣ и въ безукоризненномъ состояніи, чѣмъ онъ рѣзко выдѣлялся среди своихъ товарищей, мало обращающихъ вниманія на свою внѣшность. Когда К. П. рѣшился оставить службу въ институтѣ и на прощанья сказалъ ученицамъ нѣсколько теплыхъ словъ, то многія изъ нихъ расплакались.

Лѣтомъ 1858 г. К. П. уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ и обвѣнчался съ Анной Агаѣоновной Акимовой. Эта женитьба, съ избыткомъ обезпечившая его въ матеріальномъ отношеніи, давала ему полную возмож-

ность обратиться къ занятіямъ наиболѣе для него пріятнымъ. Получивъ въ 1859 г. освобожденіе отъ обязательной службы на Кавказѣ, и причислившись къ министерству народнаго просвѣщенія, К. П. приступилъ къ изученію всеобщей исторіи и армянской литературы, которая, по обилію историческихъ памятниковъ и по важности филологическаго матеріала, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ литературъ Востока. Для своихъ работъ онъ нашелъ на первыхъ порахъ пріютъ и покровительство въ И. Академіи Наукъ. Въ запискахъ Академіи помѣстилъ онъ въ 1860 г. *Catalogue de la littérature Arménienne depuis le commencement du IV-ème siècle jusque vers le milieu du XVII*, а въ слѣдующемъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ по порученію Академіи Наукъ, «Исторію Агванъ» Моисея Каганкатваца, писателя X вѣка, снабдивъ этотъ переводъ своими примѣчаніями и приложеніями.

Не зная, что изъ этого выйдетъ, К. П. всетаки тяготился своимъ положеніемъ безъ опредѣленнаго служебнаго положенія и хотѣлъ было перейти на изученіе медицины, какъ судьба помогла ему выступить на настоящую дорогу. Въ 1861 г. профессоръ армянскаго языка въ университетѣ Н. Л. Бероевъ вышелъ въ отставку, не оставивъ по себѣ преемника. Многочисленный въ то время, благодаря спеціальнымъ стипендіямъ, армяно-грузинскій разрядъ Восточнаго факультета не могъ остаться безъ преподавателя такого важнаго предмета, и факультетъ предложилъ Керопэ Петровичу взять на себя преподаваніе армянской словесности на правахъ адъюнкта, съ осени 1861 г.

Съ этого времени собственно и начинается плодотворная ученая дѣятельность Керопэ Петровича. Онъ сдѣлалъ доступными намъ многихъ армянскихъ историковъ, которыхъ не только перевелъ, но и объяснилъ. Во время занятій въ Эчміадзинскомъ монастырѣ онъ обратилъ вниманіе на любопытное повѣствованіе внока Магакія о нашествіи монголовъ. Изданіе этого памятника увлекло К. П. на столько, что онъ обратился къ изученію монгольскаго періода армянской исторіи, для чего ему пришлось ознакомиться съ обширной литературой о монголахъ и на европейскихъ языкахъ. Результатомъ этихъ работъ явилось два выпуска Исторіи Монголовъ по армянскимъ источникамъ, — трудъ увѣнчанный Археологическимъ обществомъ малою серебряною медалью¹⁾. Мы, пользующіеся готовыми результатами ученыхъ работъ, обыкновенно не знаемъ, какимъ иногда тяжелымъ и утомительнымъ трудомъ добываются эти результаты, а потому

1) Отзывъ В. В. Григорьева въ Извѣстіяхъ И. Р. Археологическаго Общества, т. IX стр. 419—421.

не всегда умѣемъ цѣнить ихъ. Керопз Петровичъ неоднократно бывалъ въ такомъ положеніи. Обращу вниманіе на его статью: «Драгоценные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ армянъ въ XVII вѣкѣ». Взвѣсивши за переводъ отрывка о драгоценныхъ камняхъ изъ одного лечебника, онъ два года бѣлся съ нимъ и никакъ не могъ справиться; бросить работу было жаль, и вотъ онъ, думая уяснить себѣ сущность дѣла, принялся за изученіе минералогіи, ювелирнаго производства, его техники, и только тогда удалось ему понять труднѣйшій текстъ и завершить свой трудъ.

Увлеченный успѣхамъ ассиріологій на западѣ, К. П. занялся клинописью и въ такой степени освоился съ этимъ предметомъ, что не только могъ слѣдить за работами европейскихъ ученыхъ, но и самъ началъ работать производителью: его изслѣдованіе «О клинообразныхъ надписяхъ Вавской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи» всегда будетъ свидѣтельствовать и о богатыхъ способностяхъ К. П., и о его заботахъ о русской наукѣ и русскомъ просвѣщеніи. Желаніе принести пользу *русскому* обществу стояло у него всегда на первомъ планѣ. Оттого К. П. рѣдко писалъ на европейскихъ языкахъ, европейскою извѣстностію не соблазнялся; но извѣстность эта пришла сама собою. Всѣ выдающіяся работы К. П. переведены на европейскіе языки безъ всякихъ стараній съ его стороны, и ни одинъ изслѣдователь судьбы арійскихъ народовъ въ Азій не можетъ обойтись и не обходится безъ трудовъ К. П. Всѣ труды его отличаются добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, критическимъ тактомъ, убѣдительностію и умѣньемъ подойти къ затронутому вопросу. Онъ умѣлъ опредѣлять время составленія литературнаго памятника, показывать его значеніе, а иногда и отыскивать имя автора. Образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить изслѣдованіе его объ Армянской географіи, составленіе которой приписывалось знаменитому историку Арменіи Моисею Хоренскому. За это изслѣдованіе К. П. получилъ большую серебряную медаль отъ нашего Археологическаго общества¹⁾.

Не менѣе значенія имѣютъ труды К. П. и въ области языка. Диссертация его на степень доктора армянской словесности затрогиваетъ вопросъ о составѣ армянскаго языка. Онъ первый обратилъ вниманіе армянствовъ на необходимость изученія многочисленныхъ армянскихъ діалектовъ, доказывая, что нынѣшній письменный языкъ армянскій, называемый Востанскій и употреблявшійся въ Араратской области, только случайно получилъ преобладающее значеніе; а безъ изученія діалектовъ нельзя дѣлать заключеніе о языкѣ армянъ. Поставивъ такой важный въ филологическомъ отношеніи

1) Отзывъ В. В. Григорьева въ Извѣстіяхъ И. Р. Археол. Общ. т. X, стр. 188—186.

вопросъ, К. П. первый подалъ примѣръ, какъ слѣдуетъ приступать къ дѣлу и какъ его вести.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что К. П. по преимуществу трудился, во-первыхъ, въ области исторической литературы, разработкой которой въ Европѣ особенно занимались французскіе ученые, и во-вторыхъ, въ области языка, интересовавшей, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ ученыхъ. Впослѣдствіи уже, убѣдившись въ пользѣ древне-армянскаго языка для чтенія клинообразныхъ надписей, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ древней Арменіи, К. П. принялся за изученіе клинописи, т. е. примкнулъ своею дѣятельностію, къ первымъ изслѣдователямъ этой отрасли, къ англійскимъ ученымъ.

Въ 1871 г. К. П. былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора, а въ слѣдующемъ — ординарнаго.

Ученые труды К. П. были оценены Академіей Наукъ, избравшей его въ 1885 году въ свои члены-корреспонденты.

Какъ преподаватель К. П. имѣлъ большое вліяніе на своихъ слушателей, къ сожалѣнію немногочисленныхъ, развивалъ въ нихъ любовь къ серьезнымъ занятіямъ, уваженіе къ наукѣ. Для студентовъ-армянцевъ онъ издалъ цѣлый рядъ текстовъ армянскихъ писателей, причемъ нѣкоторые были обнаружены имъ впервые. Для студентовъ-арабистовъ читалъ онъ исторію Персіи. При немъ усилилось преподаваніе древне-армянскаго языка въ факультетѣ восточныхъ языковъ, введеніемъ этого предмета на санскрито-персидскомъ разрядѣ главнымъ образомъ для выясненія лексическаго состава и грамматическихъ формъ арійскихъ языковъ.

Съ 1860 года совершилъ онъ рядъ поѣздокъ за границу для занятій въ бібліотекахъ Венеціи, Мюнхена, Парижа и Вѣны; познакомился со всѣми извѣстными армянистами въ Европѣ, съ которыми находился постоянно въ перепискѣ. Сношенія эти оставили слѣдъ и въ ученой литературѣ¹⁾. Въ 1882 г. К. П. былъ избранъ однимъ изъ редакторовъ литературно-критическаго журнала *Muséon*, выходящаго въ Лувенѣ. Участвовалъ на нѣкоторыхъ международныхъ съѣздахъ ориенталистовъ, а на первомъ, происходившемъ въ Парижѣ въ 1873 году, дѣлалъ сообщеніе объ изученіи армянскаго языка во Франціи и Германіи и о вавскихъ клинообразныхъ надписяхъ.

К. П. не принадлежалъ къ числу одностороннихъ ученыхъ, не инте-

1) Ссылаемся на статьи Sauc'e'a: «Deux nouvelles inscriptions vanniques» (*Le Muséon*, 1884, t. III, № 2), и другую подъ тѣмъ же заглавіемъ (*Le Muséon*, 1886, t. V, № 3). Müller'a, «Drei neue Inschriften von Van» (*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. I Band).

ресующихся ничѣмъ кромѣ своей спеціальности. Онъ находилъ время слѣдить и за общенаучной литературой, какъ русской, такъ и иностранной. Не избѣгалъ и свѣтскихъ удовольствій, которыя считалъ вообще далеко не лишними въ жизни, особенно послѣ труда.

К. П. не былъ публицистомъ, ни разу не соблазнялся онъ выступить печатно на обсужденіе какого либо современнаго вопроса, хотя бы и могъ во многихъ случаяхъ сказать свое вѣское слово; но въ частныхъ бесѣдахъ любилъ высказывать свои мнѣнія, которыя обваруживали его свѣтлый взглядъ на текуція событія.

К. П. не очевь-то раскрывалъ свою душу передъ другими, но кому доводилось узнать его поближе, тотъ имѣлъ возможность убѣдиться, что К. П. былъ человѣкъ вполне русской. «Я патриотъ не меньше вашего», говорилъ онъ, по тому или другому случаю, и слова эти провозносились недаромъ.

Кромѣ службы въ университетѣ К. П. состоялъ съ 1861 по 1868 годъ еще въ Кавказскомъ комитетѣ по должности учителя армянскаго языка при кавказскихъ воспитанникахъ, обучавшихся въ Петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а по случаю измѣненія существовавшихъ постановленій о кавказскихъ воспитанникахъ былъ причисленъ къ канцеляріи Кавказскаго комитета сверхъ штата, гдѣ и оставался съ 1868 по 1874 годъ. Въ 1872 г. онъ получилъ предложеніе отъ цензурнаго комитета цензуровать изданія на армянскомъ азыкѣ.

Для нашего Археологическаго общества К. П. потрудился также немало. Съ 1867 по 1882 годъ онъ несъ обязанности секретаря въ Восточномъ отдѣленіи, а въ 1882 былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ, въ этой должности и оставался онъ до 1885 года. Восточное отдѣленіе обязано К. П. тѣмъ, что имѣетъ свой спеціальныи капиталъ. Благодаря ходатайству К. П., Восточному отдѣленію была передана сумма до 7000 рублей, оставшихся неизрасходованными послѣ 3-го международнаго съѣзда ориенталистовъ, происходившаго въ С.-Петербургѣ въ 1876 году.

Въ послѣдніе годы своей жизни К. П. работалъ уже черезъ силу. Тяжкій недугъ въ теченіи трехъ лѣтъ подтачивалъ его силы все болѣе и болѣе, К. П. угасалъ медленно, не сознавая своего безнадежнаго положенія, и 2 апрѣля 1889 г. скончался. Онъ погребенъ на здѣшнемъ армянскомъ кладбищѣ.

К. П. принадлежалъ къ ученымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, и трудами своими онъ занялъ мѣсто въ ряду первѣйшихъ арменистовъ Европы.

Кто умѣетъ уважать чужіе труды, тотъ съ уваженіемъ отнесется и

къ памяти Керопэ Петровича, хотя онъ и работалъ, можно сказать, для будущаго, работалъ въ такой области, которая не имѣетъ еще большаго круга читателей. Ориенталистамъ всего труднѣе заинтересовать общество своими работами. При этомъ невольно вспоминаются слова Керопэ Петровича: «мы имѣемъ ученыхъ въ изобиліи, но не имѣемъ публики, которая интересовалась бы спеціальными знаніями».

Хронологическій списокъ трудовъ К. П. Патканова.

Стихотворенія въ переводахъ на армянскій языкъ изъ Гейне, Шиллера, Беранже, Томаса Мура и др. Всего 54 стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя напечатаны въ «Лирѣ» Мянсарова.

О сатиръ и сатирахъ Кантемира. (Ставропольскія губернскія Вѣдомости 1853 г. № 2, стр. 11—18).

Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du IV siècle jusque vers le milieu du XVII. St. Pétersb. 1860.

Исторія Агванъ (Кавказскихъ Албанцевъ) Мопсея Каганкатвацц (X вѣка). Переводъ съ армянскаго, съ примѣчаніями и приложениями. Сиб. 1861.

Рецензія П. И. Лерха въ Извѣстіяхъ И. Рус. Археол. Общ. т. III, стр. 479—499.

Исторія Императора Иракла. Соч. епископа Себеоса (VII в.). Переводъ съ армянскаго, съ примѣчаніями. Сиб. 1862.

Исторія Халифовъ Гевонда (VIII в.). Переводъ съ армянскаго, съ примѣчаніями. Сиб. 1862.

Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ армянскими писателями. Сиб. 1863. (Труды Вост. отд. Археол. общ. т. XIV). Магистерская диссертація.

Переводъ на франц. яз. Prud'homme, въ Journal Asiatique 1866. Essai d'une histoire de la dynastie des Sassanides, d'après les renseignements fournis par les historiens arméniens, I, pp. 101—238.

Рецензія Langlois въ Journal Asiatique, 1863. Sixième Série t. II, pp. 304—305. (Opit istorii dynastii Sassanidow etc.).

Статья по исторіи, географіи и литературѣ Арменіи въ Энциклопедическомъ Словарѣ: 1861—1863 гг.

Исследование о составѣ армянскаго языка. Сиб. 1864. Докторская диссертация.

Переводъ на франц. яз. Prud'homme, въ Journal Asiatique 1870.

Recherches sur la formation de la langue arménienne, mémoire traduit du russe par M. Evariste Prudhomme, revu sur le texte original et annoté par M. E. Dulaurier. Paris. 1871.

Разборъ F. Justi въ Gott. gel. Anz. 1866, St. 25, S. 991—1000.

Ueber den Armenischen Dialect von Agulis. 1865.

Сообщеніе объ этомъ трудѣ Петерманна въ Monatsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Sitzung der philosophisch-historischen Klasse, 26 Nov. 1866.

Միտիժարայ Այրիվանեցւոյ Պատմութիւն ժամանակագրական. Сиб. 1867. (Мхитаръ Айриванскій).

Хронографическая исторія Мехитара Айриванскаго (XIII в.). Переводъ съ армянскаго, съ примѣчаніями. Сиб. 1869. (Труды Восточн. отд. Археол. общ. ч. XIV).

Исследование о діалектахъ Армянскаго языка. Сиб. 1869.

Дневникъ осады Иснагана Афганами, Гиланенца (XVIII в.). Сиб. 1870.

Մարագրիայ արեղայի Պատմութիւն վասն ազգին Կեանքաց. Сиб. 1870. (Магакій).

— Исторія Монголовъ шока Магакія (XIII в.). Сиб. 1871.

Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣсяцевъ. Сиб. 1871. (Труды Восточн. отд. Археол. общ. т. XVII).

Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ (XIII в.). Выпускъ I. Сиб. 1873.

Замѣчанія на статью г. Эмина «Вахаггъ. Вишанакахъ». Сиб. 1873. (Труды Восточн. отд. Археол. общ. т. XVII).

Драгоценные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ. Сиб. 1873.

— Исторія Монголовъ по армянскимъ источникамъ (XIII и XIV вв.). Выпускъ II. Сиб. 1874.

Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій. Выпускъ I. Говоръ Нахичеванскій. Сиб. 1875.

Матеріалы для изученія армянскихъ нарѣчій. Выпускъ II. Мушскій діалектъ. Сиб. 1875.

Правила для изданія восточныхъ источниковъ отечественной исторіи, составленныя А. А. Куинкомъ совместно съ К. П. Паткановымъ. (Извѣстія И. Р. Арх. Общ. т. VIII, стр. 270—271).

Անանիայի Շիրակունւոյ Ճաջորդք բանից. Տպ. 1877. (Ананія Ширакскій).

Армянская географія VII в., приписывавшаяся Моисею Хоренскому. Текстъ, переводъ и примѣчанія. Тпб. 1877.

Рецензія Грича (псевдонимъ) въ армянскомъ журналѣ «Пордзъ», 1877, № IV, стр. 330—339.

О мѣстѣ, занимаемомъ Армянскимъ языкомъ въ кругу Индо-европейскихъ. Тифлисъ 1879 (отд. отт. изъ VI т. Извѣстій Кавказскаго отдѣла И. Рус. Геогр. Общества).

Переводъ на нѣмецкій языкъ Зейдлица въ Russische Revue 1880, Heft 7, S. 70—89. Ueber die Stellung der Armenischen Sprache im Kreise der Indo-Europäischen.

Армянскій переводъ изъ журналѣ «Пордзъ», (переводъ редакціи) — **Թե՛ ինչ տեղ է բռնու՞մ հայերէն լեզուն հնդկաւերոսական լեզուների շրջանում** (журналъ «Пордзъ», Тифлисъ 1880, № III, стр. 77—98).

Պատմութիւն Սերգիոսի և Սիւրբն Պատմութեան Միւթարայ Անեցւոյ. Տպ. 1879 (*A. L'histoire de l'empereur Héraclius par Sebéos, VII siècle. B. Le commencement de l'Histoire de Mekhithar d'Ani, XII siècle*).

О мнимомъ походѣ Таклатъ-Паласара къ берегамъ Инда. Тпб. 1879. (Труды 3-го международнаго сѣзда ориенталистовъ. Тпб. 1880, т. I).

Рецензія. Emile Dillon. La Campagne imaginaire de Teglatphalasar II sur les bords de l'Indus. L'Athenaeum Belge 1880, № 5, p. 57.

А. Ерицонъ. О мнимомъ походѣ Таклатъ Паласара къ берегамъ Инда. «Кавказъ» 1879, № 115.

Библиографическій очеркъ Армянской исторической литературы. Тпб. 1880. (Труды 3-го международна. сѣзда ориенталистовъ. Тпб. 1880, т. I).

Переводъ на армянскій языкъ. — **Համառոտ տեսութիւն հայ պատմական գրականութեան** (журн. «Пордзъ», 1880, № I, стр. 1—26) и **Հայ պատմագիրների երկասիրութեանց ցուցակը** (ibidem, Прибавленія, стр. 1—40).

Въ газетѣ «Обзоръ» 1880 г., №№ 441—443. Переводъ съ армянскаго 1-й книжки журнала «Пордзъ» за 1880 г.

Рецензія. E. de Dillon, Histoire de la littérature arménienne въ Le Muséeon 1882, I, № 1.

Объ археологической цѣнности фотографическаго альбома Арменіи, работы г. Куркчянца. Тпб. 1880 (Труды 3-го междуна. сѣзда ориенталистовъ. Тпб. 1880).

Պ. Քիւրքճեանի աշխատասիրած Հայաստանի լուսանկարչական հավաքածուի հնարածական արժէքը. Археологическая цѣнность сборника фотографическихъ снимковъ Арменіи, составленнаго г. Куркчянцемъ («Пордзъ», 1880, № X, стр. 133—138).

Очеркъ исторіи древней армянской литературы. (Исторія всеобщей литературы изд. В. Ө. Корша. IV выпускъ, Тпб. 1880).

Ванскія надписи и ихъ значеніе для Исторіи Передней Азіи. Спб. 1874—1881 (отд. отт. изъ журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1874—1881 годы).

Հայագէտ Սէն Սարսէն. Նորի կենսագրութիւնը և գրաւոր երկասիւրութիւնները, Армениятъ С. Мартенъ. Его жизнеописаніе и литературные труды («Пордзъ», 1881, № V—VI, стр. 1—18).

Рецензія на книгу: Lauer, M. Armenische Chrestomathie (въ Revue critique internationale 1881, № 1, pp. 23—28).

Разборъ соч. J. Olshausen, Parthava und Pahlav, Mâda und Mâh (въ Revue critique internationale 1881, №№ 1—2, p. 32—37, 79—83). Подписано: K. de Restaing.

Искѣтся переводъ на армянскій языкъ.

Матеріалы для армянскаго словаря. Спб. 1882.

De quelques inscriptions de Van récemment découvertes. Въ Muséon 1882, I, p. 541—547.

Рецензія: Géographie de Moïse de Corène, d'après Ptolémée éd. par le père Arsène Soukry. Ibid., p. 447—452. Подпись: K. de Restaing.

О клинообразныхъ надписяхъ Ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи (журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1882, ч. 224).

О клинообразныхъ надписяхъ Ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи. Спб. 1883 (отд. отт. изъ журн. Мин. Нар. Пр.).

Рецензія въ Revue critique d'histoire etc. Paris, 1883, № 8. Chronique.

Փաւստոսի Բազանդազուց Պատմութիւն Հայոց, ib. 1883. Faustus de Byzance, Histoire d'Arménie, IV siècle. St. Pétersb. 1883.

Patkanoff et Sayce. De quelques nouvelles inscriptions cunéiformes, découvertes sur le territoire russe. Muséon 1883, № 3, pp. 358—564.

Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи. О древней Грузинской хроникѣ и объ армянской. (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1883, ч. 230).

Վանի արձանագրութիւնները և նոցա նշանակութիւնը առաջաւոր Լուիսի պատմութեան համար (Վրաց հին Քրոնիկոն), переводъ X. Иоаннисяна въ «Ардзаганѣтъ», 1885, № 24, 26, 1886, № 1, 2, 5, 6, 7, 9 и 10.

Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому (журн. Мин. Нар. Посвѣщ. 1883, ч. 226).

Յարութիւն վարդապետ Աւստրեանց. Չարսերտականք. Спб. 1884. (Друтьюнъ вардапетъ Аламдарянцъ, Мѣрныя Слова).

Հիշարբ մտենազրութեան հայոց. Ազրուսինու հաջեցի: — Պատմութիւն թագաւորացն հայոց, որ ի Սիս: — Ճամնանազրութիւն: — Սիւնաս թոխտեցի: — Աբրահամ Անիւրացի (Պարլան): — Հիշատակարանք: Ի լըյս էած Ք. Պ. Տպ. 1884. (Фрагменты по армянской истории. Августинъ Баджецп.—Исторія армянскихъ царей въ Сисѣ (въ Килікіи). — Краткая Хроника. — Минасъ Тохатецп. — Абраамъ Анкюраци. — Прписки въ рукописяхъ. Издавъ К. П.).

Материалы для армянскаго словаря. Вып. 2. Тпб. 1884.

Une inscription trilingue de Hamadan. Muséon 1885, № 1, pp. 88—89.

Цыганы. Нѣсколько словъ о нарѣчіяхъ закавказскихъ цыганъ: Боша и Карачи. Тпб. 1887.

Рецензія J. Hanusz'a въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes I Band. Wien. 1887, s. 80—81 (Zigeunerisches).

Рецензія К. З. въ Запискахъ Восточн. отд. Арх. общ. т. II, стр. 149—157.

Исторія Арменія Тома Ардруні, автора X вѣка. Тпб. 1887. Թովմայի վարդապետի Արժրուհեայ Պատմութիւն տանն Արժրուհեայ ՚ի լըյս էած Ք. Պ.

Клинообразныя надписи. (Въ «Трудахъ» V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Приложенія, стр. 115—122. Москва 1887).

Н. Веселовскій.